

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ПАРИЖЕ

Театральный Париж обсуждает свою новую премьеру. Водевиль Эжена Лабиша «Шляпка из итальянской соломки» — на сцене Театра де Вилль.

Одна из самых первых рецензий на этот далеко не самый простой спектакль сезона написана специально для «ЭС» известным парижским театральным критиком и эссеистом Мари-Клер Паскаль.

был чище и красивее. Кorteж, лошадь. Женщина и офицер. (Женщина, между прочим, чужая жена). Шляпка из итальянской соломки.

Если современник Эжена Лабиша, господин Равель, сыгравший роковую для него роль Фадинара, угрюмо полагал, что пьеса не пойдет дальше четвертого акта, Жорж Лавадан — ре-

Вот некое подобие общей оценки спектакля первыми перьями Парижа в первом антракте. Критика безоговорочно поддалась на приманку «чистой мечты», обходя острые углы, связанные с драматургическими решениями и актерскими перевоплощениями. А последние, как минимум, необычны. По крайней мере главный из них — Фадинар.

Его исполнитель, Патрик Пино, шел к театру обычным путем, начиная с лицейской самодеятельности и самодеятельных

Фадинар втягивает голову в плечи, он начинает неистовствовать, больше не доверяет ни будущему тестю, ни своему жребию, он тащит за собой собственную свадьбу, похожую уже не столько на corteж, сколько на бег с всевозможными препятствиями или на карусель, которую некому остановить. Время от времени глаза Фадинара становятся безумными. В антракте между вторым и третьим актом он не уходит за кулисы. Перед закрытым занавесом, колышу-

ШЛЯПКА ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЛОМКИ—ЗА ЖИЗНЬ

Знаменитый комедиант Равель провел лето 1850 года в скверном состоянии духа. «Пьеса должна быть доидет до четвертого акта — максимум, — бормотал он беспрестанно. — До пятого — никогда». В день премьеры «Соломенной шляпки» Эжена Лабиша исполнитель роли Фадинара господин Равель умер на сцене от апоплексического удара. Сердце не выдержало безумного хохота, обрушившего к тому же амфиладу театра.

Сто сорок четыре года, промелькнувшие с того злополучного вечера, изменили Мир. Сердца стали крепче. Водевиль пошлее. Актеры прагматичнее.

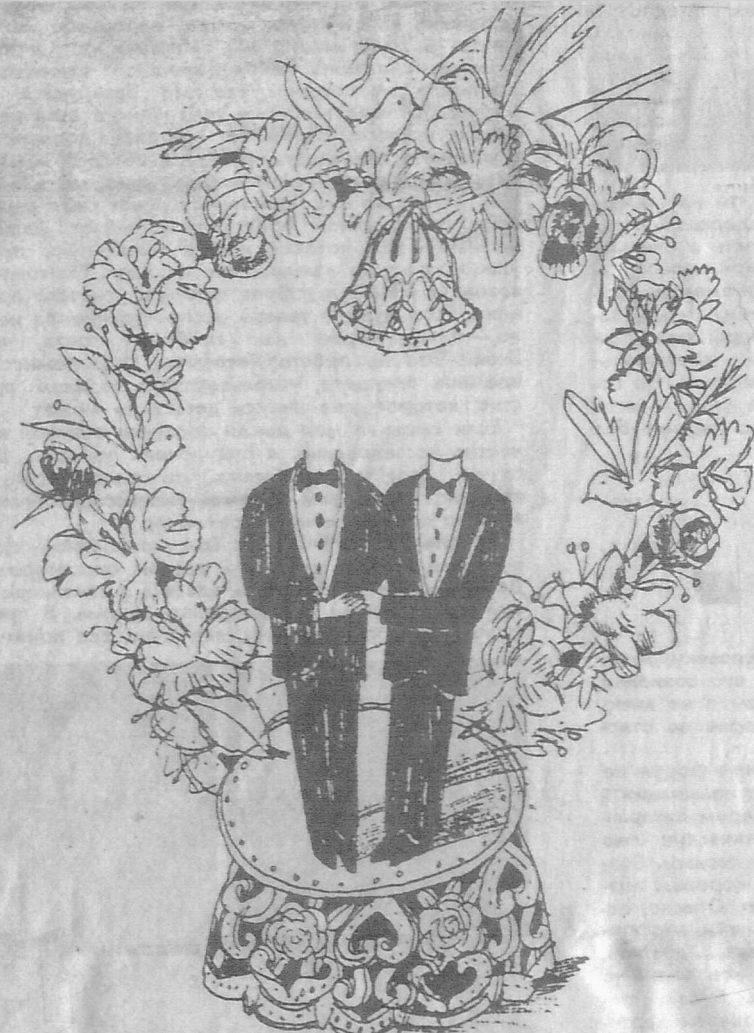
Патрик Пино — комедиант новой волны получил от режиссера Жоржа Лавадана главную роль в старинном водевиле. Место постановки — парижский Театр де Вилль.

2 февраля занавес поднялся в честь трехчасового марафона восставших из небытия событий. Свадебный corteж Фадинара. Офицерская лошадь. Женщина со шляпкой. Шляпка, съеденная лошадью. События выстраивались в затылок друг другу, наступая каждое в свой черед, не мешались, не переставлялись местами, не пропускались.

«Чем хорош водевиль, — писал когда-то Эмиль Золя, — так это тем, что его легко ставить. Режиссеру не испортит настроения концепция и решения автора пьесы. Наоборот, они с автором договорятся, даже, если последний умер век назад, а первый еще не родился».

Мудрость — неусвоенная нынешним театром и современным ему миром, оттого что мир изменил выражение губ (изысканная чувственность линии классицизма уступила место оскалу без эпитета и без жанра), а театр скопировал эту маску, ссылаясь на близкую ему действительность. Водевиль оказался выпотроженным как тряпичная кукла и выброшенным на помойку. Или на задворки.

Возвращение жанра к жизни — провокация Жоржа Лавадана по отношению к публике. Шаг в прошлый век. Из абсурда в медово-солнечную патоку, которую никто из нас не пробовал и даже не видел, но которая обволакивает и отогревает душу до самого последнего родового гена или корня. Ибо эту патоку вкушали наши праотцы в те времена, когда сбруя на лошадях, впряженных в свадебную коляску Фадинара, была новехонькой. А мир, следует добавить к этому непременно,

жиссер 90-х — мог рассчитывать на то, что уже к середине второго действия ему будет грозить одиночество. Но он произвел точный расчет: сделал ставку и одновременно замахнулся на самое святое, что будоражит каждого из нас до уровня самого последнего родового гена. На нашу мечту. Такую чистую и такую светлую, в которой флирт, измена, слезы и насморк всегда заканчиваются одним и тем же: счастьем на всю оставшуюся жизнь. А поводом к счастью может явиться любой пустяк. Например, потерянный в саду ключ или шляпка из итальянской соломки. Сколько из нас предпочли ради подобного финала пожертвовать не одну шляпку коленой лошади господина Фадинара.

Короче говоря, водевиль на сцене Театра де Вилль оказался, по мнению завсегдатаев «ложки прессы», самым искристым спектаклем сезона. Шампанское переливается из охлажденной бутылки в чистый хрусталь по каплям. Искристыми каплями.

гастролей по Франции. Очень скоро его заметили критики и, поразмыслив, в один голос назвали молодого актера «Ангелом». Он был взволнованным и гордым, глаза наполнялись особой нежной влажностью, а в подбородке угадывалось нечто, что присуще драчунам. «Ангел» новой формации, словно вышедший из финальных кадров последнего фильма Вима Вендерса. Его отличительная особенность — он заполняет собой всю сцену. Он неистов и неисчерпаем. Новый «Ангел». Новый Фадинар. Новый водевиль. Пино не спешит раскрыться в нем, продлевая общую зрительскую эйфорию, и с улыбкой слушает про брызги «искрящегося шампанского». В первом акте его час еще не пробил. Он тянет время и меняется постепенно. Незаметно для глаз светский распутник умирает в нем, уступая место страннейшей метаморфозе. Свято место пусто не бывает, в особенности, когда мы подразумеваем под «местом» человеческую душу.

щимся от передвижения на сцене мебели, Фадинар ведет за собой нескончаемую вереницу персонажей, почти не касающихся земли, и пританцовывает фарандолу. Вереница уходит, вновь появляется, ведомая своим диковинным предводителем то ли в небытие, то ли в преисподнюю. И так все девять кругов.

Лицо Фадинара при каждом новом круге сопровождает особое выражение. Второе, пятое, девятое. Внезапно понимаешь, что он — в маске. Одна из его масок изыщны — линия губ чувствительно изогнута. Другие — просто терпимы для глаз. От выражения же некоторых хочется спрятаться. Оскал без эпитетов явственно пробивается сквозь легкорылый праздник воскресших было образов старинной светлой эпохи, проглатывая мечту о твоём счастье до конца дней. Мечту, за которую была отдана на съедение не одна шляпка и не одна жизнь. Мир изменился непоправимо. Ипостаси цинизма сложились в башню, и она достала небеса. Хватит выводов?

«Я работал совершенно интуитивно, — сказал после премьеры Жорж Лавадан, — я следил из-за угла, как все у меня сложится. Я доверял Патрику Пино — моему «падшему Ангелу». У нас был выбор: или сделать Фадинара обычным безобидным авантюристом, или отпустить образ на все четыре стороны — пусть складывается сам. И вот что получилось. Зрители дрогнули к концу спектакля. Я ожидал этого. Ну, а кто испортил этот мир? Не мы ли с вами в том числе? Страх не всегда плохое чувство. Страх, появляющийся в глазах человека, глядящего со стороны на порожденное им зло, не самая дурная примета. Равнодушные или хохот, куда ужаснее».

Мари-Клер ПАСКАЛЬ.
Перевела с французского
Натэла МЕСХИ.

Франсуа
Патрик
Театр де Вилль

10-17.2.94.
Жорж и сценарий, - 10.01.94 - 1661 - 10.01.94 - 10.01.94